

ДАР
ДРУЖЕСТВА
И МУЗ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДАР
ДРУЖЕСТВА
И МУЗ

Сборник статей
в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой

Альянс-Архео
Москва — С.-Петербург
2018

Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. Ю. Веселова, А. О. Дёмин. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. — 280 с.

ISBN 978-5-98874-156-5

Сборник к юбилею Натальи Дмитриевны Кочетковой включает статьи, написанные коллегами и учениками юбиляра и посвященные преимущественно различным аспектам изучения русской литературы XVIII века, а также некоторым другим проблемам современного литературоведения.

Ответственные редакторы:

А. Ю. Веселова, А. О. Дёмин

Рецензенты:

Н. Л. Дмитриева, В. Д. Рак

*Печатается по решению
Ученого совета ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН*

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Корректор *А. А. Романова*, художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 30.08.2018. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. изд. л. 19,0. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс: в Москве (499) 165-31-87; в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aartheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

© ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© ООО «Альянс-Архео», 2018

ISBN 978-5-98874-156-5

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСУГИ ГРАФА А. А. МУСИНА-ПУШКИНА

Основные сведения о выдающемся русском химике и минералогe графе Аполлосе Аполлосовиче Мусине-Пушкине (17.02.1760–18.04.1805, близ Тифлиса)¹ несложно найти в справочной литературе; его научным заслугам сравнительно недавно была посвящена целая книга.² И все же нельзя не признать, что его биография, особенно ранняя, содержит немало белых пятен, а ряд увлечений (в первую очередь литературных) не подвергся еще сколько-нибудь внимательному рассмотрению. Но сначала имеет смысл самым общим образом очертить жизненный путь А. А. Мусина-Пушкина. Он был правнуком Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (до 1657–21.07.1730), сподвижника Петра I, которого тот в 1710 г. возвел в графское достоинство. Аполлос Епафродитович Мусин-Пушкин (ум. 29.06.1771),³

¹ В изд.: Русские портреты XVIII и XIX столетий / Издание вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1906. Т. 2. № 193 год рождения приведен неверно (1761), а местом рождения назван Тобольск, что вызывает сомнения. Более правдоподобным представляется Петербург, но источник этого указания в ряде последних по времени справочников неясен (см., напр.: *Сивергин Ю. М.* Химики Российской империи, СССР и Российской Федерации. М., 1997. Т. 1. С. 173).

² *Раскин Н. М.* А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии, химик и минералог, 1760–1805. Л., 1981.

³ Матерью Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина была Елизавета Федотовна Татищева, урожд. Каменская (04.03.1731–19.06.1800), сестра генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского (см.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1855. Ч. 2. С. 197).

отец Аполлоса Аполлосовича, президент Берг-коллегии с 1766 по 1771 г., по свидетельству Е. Р. Дашковой, не был чужд литературных интересов;⁴ он же, несомненно, способствовал интересу сына к горному делу, химии и минералогии.

А. А. Мусин-Пушкин получил, судя по всему, прекрасное домашнее образование. С детства он был зачислен в лейб-гвардии Конный полк; в 1777, т. е. 17 лет от роду, произведен из вахмистров в корнеты; в 1786 — в ротмистры, а 8 ноября 1796 г. отчислен из полка.⁵ А. А. Мусин-Пушкин, по-видимому, не отягощал себя обязанностями службы военной, одновременно успешно продвигаясь по лестнице службы придворной: 22 декабря 1784 г. он был назначен камер-юнкером,⁶ 2 сентября 1793 — камергером.⁷ В 1780-е гг. он близок к «малому» двору, деятельно участвуя в его театральной жизни⁸ — так, известно, что в 1786 г. А. А. Мусин-Пушкин играл в неоднократных представлениях комедии с ариями и балетом «Празднество сеньора» («La fête du seigneur») по пьесе Ш. С. Фавара и М. Ж. де Ронсере (Фавар) «Анетта и Любен»,⁹ играл в драме

⁴ В 1763 г. А. Е. Мусин-Пушкин опубликовал в журнале «Невинное упражнение» (№ 1–2) два перевода: «Путешествие в Микрокосм одним из новых Пифагоровых последователей» и «Второе путешествие» (перепечатаны: Друг просвещения. 1805. Ч. 2, № 5. С. 124–139). Имя переводчика было раскрыто Е. Р. Дашковой в «Предисловии» к републикации (Друг просвещения. 1805. Ч. 2, № 5. С. 123). В «Словаре русских писателей XVIII века» (СПб., 1999. Вып. 2. С. 316) автором оригинала назван Вольтер, что неверно; Дашкова его имени не называет. Об источниках переводов А. Е. Мусин-Пушкина см.: V. S. [Симанков В. И.]. Из разысканий о журнале «Невинное упражнение» (1763) // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 149–157.

⁵ См.: Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1864 г. СПб., 1864. С. 93.

⁶ См.: Алфавитный указатель и приложения к Камер-фурьерскому церемониальному журналу 1784 года. СПб., 1884. С. 75.

⁷ См.: Приложения к Камер-фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. [Б. м.], 1892. С. 17.

⁸ *Ананьев А. А.* «Здесь велика охота до спектаклей, одни репетиции и показы...» // «Музыка все время процветала...» Музыкальная жизнь императорских дворцов: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 15–26. См. также составленный А. А. Ананьевым «Репертуар Гатчинского дворцового театра. 1786–1800 годы» (Там же. С. 299–319).

⁹ Музыка к пьесе была сочинена Д. С. Боргнианским, либретто на французском языке составлено из куплетов, написанных Г. И. Чернышевым, А. А. Мусиным-Пушкиным и А.-Ф.-Г. Виолье. О ней пишет Алексей Борисович Куракин:

«Честный преступник, или Детская к родителям любовь» («L'honnête criminel, ou L'amour filial») Ш. Ж. Фенуйо де Фальбер де Кенже в Гатчине,¹⁰ а также, видимо, в других спектаклях.

В «Капище моего сердца» И. М. Долгорукова читаем о Мусине-Пушкине в связи с этими любительскими представлениями следующее:

Граф Аполлос Аполлосович, камергер. Человек придворный. Он составлял члена Павловского театрального общества, и по тому мы с ним были хорошо знакомы, часто разыгрывали вместе разные роли, беспрестанно, по несколько недель, жилали в одном месте, одним и тем же кумирам поклонялись. Все, что в то время было мне знакомо, имеет право на всегдашнее мое воспоминание, так и этот Пушкин, которого давно я пережил. Он рожден был для наук и, упражняясь в натуральных изысканиях в Грузии и горах, ей сопредельных, нашел конец свой там, где ожидал ученой славы.¹¹

Все же не светские развлечения, и не военная служба, как показывает его дальнейшая биография, формировали в эти годы личность Мусина-Пушкина, а научные интересы. Как справедливо за-

«Пьеса, которую м-м Великая Княгиня повелела показать в день праздника, устроенного ею своему супругу, была сочинением из разных куплетов, написанных Чернышевым, Пушкиным и Виолье. Сюжетом был деревенский праздник, данный местным вельможей. Актерами были Николай Голицын, представлявший инвалида и исполнявший роль (Григория Ивановича), если вы помните, некоего рабочего в саду Павловского. Другими были Вадковский, Волконский, камер-юнкер Пушкин Аполлос, Плещеев, Чернышев, князя Михаила Долгорукова сын, морской офицер Кушелев и Виолье. Дамы: м-ль Нелидова, Смирнова и м-м Говен. Эту пьесу ставили несколько раз» (см.: Письма Алексея Куракина его брату Александру // Восемнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива <...> Ф. А. Куракиным. М., 1904. Т. 1. С. 88; письмо от 15 сентября 1786 г. из Гатчины; оригинал по-французски; пер. А. Н. Спащанского). Ср.: [Виолье А.-Ф.-Г.] Заметка, касающаяся Мсье Виолье // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. СПб., 2006. С. 123.

¹⁰ Письма Алексея Куракина его брату Александру... С. 88; Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1. С. 119–120. Ср.: Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 24.

¹¹ Долгоруков И. М. Капище моего сердца... С. 166.

мечает Н. М. Раскин, именно ими объясняется пребывание графа в 1780 г. в Стокгольме при чрезвычайном и полномочном после А. С. Мусине-Пушкине (единственная отлучка, отмеченная в документах Конного полка). Известно также, что в 1780-е гг. А. А. Мусин-Пушкин сблизился с сотрудниками Санкт-Петербургской Академии наук, в первую очередь с выдающимся химиком Т. Е. Ловицем. Эти тесные научные контакты и напряженная экспериментальная работа способствуют тому, что 15 декабря 1796 г. Мусина-Пушкина избрали почетным членом Академии наук; в том же году в европейских специализированных журналах выходят из печати его первые научные статьи. В общей сложности с 1797 по 1806 г. ученый опубликовал 46 научных работ на немецком, французском, английском и русском языках, посвященных главным образом химии и технологии хрома, платины и других драгоценных металлов. Они принесли ему широкое международное признание — вскоре А. А. Мусина-Пушкина избрали в число своих почетных членов Туринская академия наук (1798), Шведская Академия наук (1798), Лондонское королевское общество (1799). Кроме того, известно о его интересе к минералогии, лепидоптерологии и ботанике.¹²

19 ноября 1796 г. А. А. Мусин-Пушкин был назначен вице-президентом Берг-Коллегии; с этого момента в течение почти двух лет он пытался наладить ее работу.¹³ Ученого увлекали перспективы, которые освоение Кавказа открывало перед русской горной промышленностью, и он вскоре стал хлопотать о масштабной экспедиции в Грузию. 17 октября 1799 г. адмирал Г. Г. Кушелев сообщил ему о позволении императора Павла I совершить поездку для отыскания рудных месторождений на Кавказе.¹⁴ Осенью 1799 и весной 1800 г. А. А. Мусин-Пушкин занимался подготовкой экспедиции

¹² В 1800 г. Мусин-Пушкин, сам охотно собиравший гербарии, добился включения в штат своей экспедиции молодого ботаника М. И. Адамса, который увековечил патрона в названии рода растений из семейства гиацинтовых «*Puschkinia Adams*».

¹³ См.: Сенатский архив. СПб., 1888. Т. 1: Именные указы Императора Павла I. СПб., 1888. С. 10. 15 августа 1798 г. был уволен «по прошению его» от всех дел (Там же. С. 428).

¹⁴ *Эсадзе С. С.* Очерк истории горного дела на Кавказе. Деятельность графа Мусина-Пушкина и князя Цицианова при введении горного производства в Грузии. Тифлис, 1903. С. 20.

в Нижнем Новгороде, в округе которого в то же время исследовал месторождения торфа. Результаты этой работы были изложены в «Краткой записке о употреблении торфу» (оригинал по-французски), представленной им в Комитет Горного училища.¹⁵ Обследование летом и осенью 1800 г. грузинских месторождений, совершенное экспедицией под руководством Мусина-Пушкина, «увенчалось полным успехом — открытием в Грузии копей по добыче золота, серебра, меди и свинца», как о том 9 ноября 1800 г. сообщил академик Ф. И. Герман Академическому собранию, основываясь на донесении Мусина-Пушкина Берг-коллегии.¹⁶

Находясь в Грузии в один из переломных моментов ее истории, ученый оказался вовлечен в переговоры о присоединении ее к Российской империи, которое полагал неоспоримым благом для обеих стран.¹⁷ После смерти картли-кахетинского царя Георгия XII Мусин-Пушкин был вызван в Петербург для подготовки доклада об устройстве горного промысла в Грузии и способах его совершенствования.¹⁸ 11 февраля 1801 г. Павел I пожаловал графу чин тайного советника и повелел ему быть в Берг-коллегии первым членом при президенте.¹⁹ В связи с подписанием 12 сентября 1801 г. императором Александром I манифеста о вхождении Грузии в состав Российской империи ученый хлопотал о новой поездке на Кавказ. В тот же день генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу был дан указ, который поручал Мусину-Пушкину «приведение горной части в надлежащий порядок и чеканку монеты» в Грузии,²⁰ а 19 ноября была учреждена Главная экспедиция по устройению горного производства в Грузии, во главе которой был поставлен Мусин-Пушкин; ему поручено про-

¹⁵ *Гольденберг Л. А.* Михаил Федорович Соймонов (1730–1804). М., 1973. С. 125.

¹⁶ Протоколы заседаний Конференции императорской Санкт-Петербургской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1911. Т. 4: (1786–1803). С. 867.

¹⁷ См. краткое изложение записки Мусина-Пушкина «Об удобствах и выгодах присоединения при теперешних обстоятельствах Грузии к державе российской», составленной в 1800 г. и представленной императору Павлу I (*Бутков П. Г.* Материалы для истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1870. Ч. 3. С. 329).

¹⁸ *Эсадзе С. С.* Очерк истории горного дела на Кавказе... С. 36–37.

¹⁹ Сенатский архив... С. 711.

²⁰ *Бутков П. Г.* Материалы для истории Кавказа... С. 343.

должать поиски новых месторождений и наладить добычу полезных ископаемых, открытых в предыдущую поездку, а также улучшить ее в уже существующих копях.²¹

20 февраля 1802 г. экспедиция, руководимая Мусиным-Пушкиным, выехала из Петербурга, 8 мая она прибыла в Моздок, и лишь в конце мая, проследовав по Военно-Грузинской дороге и подвергнувшись нападением горцев, наконец прибыла в Тифлис.²² Три последующих и, увы, последних года своей жизни Мусин-Пушкин посвящает научным изысканиям и руководству горными промыслами на Кавказе; он более не покидает Грузии, где и настигает его безвременная кончина в апреле 1805 г.

* * *

Своим литературным занятиям А. А. Мусин-Пушкин, по-видимому, не придавал серьезного значения и не стремился печатать собственные стихи. Составить себе представление о них мы можем лишь благодаря его дружбе со столь несхожими поэтами, как Н. А. Львов (1753–1803), Д. И. Хвостов (1757–1835) и П. И. Голенищев-Кутузов (1767–1829).

Н. М. Раскин в своей монографии о Мусине-Пушкине процитировал единственное, по его мнению, стихотворение, опубликованное при жизни поэта, — «Стансы на вальс о-оо-оо-о, сделанные на бале на заданную музыку».²³ Оно было впервые напечатано в 1804 г. в первой части журнала «Друг просвещения»,²⁴ издававшимся Хво-

²¹ Там же. С. 344; Эсадзе С. С. Очерк истории горного дела на Кавказе... С. 8.

²² Эсадзе С. С. Очерк истории горного дела на Кавказе... С. 71.

²³ Раскин Н. М. А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии... С. 8. Того же мнения придерживаются составители авторитетного справочника: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2: Журналы (Г-Ж). С. 95. № 14397. В то же время, думаю, нет никаких оснований для атрибуции Мусину-Пушкину нескольких стихотворений в «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» (1803) с пометой в конце текста: «Прислано из Мологи» (Там же. С. 521. № 23172, 23177, 23178).

²⁴ [Мусин-Пушкин А. А.] Стансы на вальс о-оо-оо-о, сделанные на бале на заданную музыку («Где души в единство сливаются...») // Друг просвещения. 1804. Ч. 1, № 1. С. 14–15. Подпись: ***. Более ранняя редакция этого стихотворения

стовым и Голенищевым-Кутузовым совместно с тремя единомышленниками. Основанием для атрибуции стало примечание в «Письме к графу Аполлосу Аполлосовичу Мусин-Пушкину» Хвостова, в котором недвусмысленно указан автор «Стансов».²⁵

Хотелось бы указать на авторство Мусина-Пушкина в отношении еще одного стихотворения, а именно «Эпистолы П. И. Г<оленищеву->Кутузову: По получении его перевода Греевой оды, называемой Весна», напечатанной во втором номере той же части «Друга просвещения» за 1804 г. с той же подписью (***)²⁶ а спустя семь лет с несколько иным названием и точной датой написания републикованной в «Трудах общества любителей российской словесности» с подписью: «Граф Аполлос Мусин-Пушкин».²⁷ И в том, и в другом случае очевидно, что именно адресат послания способствовал появлению стихотворения в печати. Для нас же оно существенно тем, что Мусин-Пушкин провозглашает в нем свою приверженность легкой, камерной поэзии, противопоставляя ее одической, гражданской:

Но что ж? хоть нас бежит Зефир,
Хоть мы снегами, льдом покрыты,
Родились и у нас питы,
Которых помнить будет мир:
У нас бессмертный Ломоносов,
Херасков, Северный Гомер,
Державин, к вечной славе россов,
Как новый бард, полет простер;
Они все с Пиндаром сравнялись,
Весь огонь его в себе нашли,

анонимно опубликована: [Мусин-Пушкин А. А.] На вальс («Союз, где сердца сопрягают...») // Новости русской литературы. 1802. Ч. 3. С. 78–80. См.: *Siman-kov V. I. Originals and Translations: A Study Based on Old Slavic Texts and Russian Eighteenth-Century Journals: Ph. D. Thesis. Brown University, 2017. P. 155.*

²⁵ Хвостов Д. И. Письмо к графу Аполлосу Аполлосовичу Мусин-Пушкину // Друг просвещения. 1805. Ч. 1, № 3. С. 9.

²⁶ [Мусин-Пушкин А. А.] Эпистола П. И. Г<оленищеву->Кутузову: По получении его перевода Греевой оды, называемой: Весна («Твоя Весна, любезный друг...») // Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 100–101. Подпись: ***.

²⁷ Мусин-Пушкин А. К П. И. Голенищеву-Кутузову. При получении перевода его Греевой оды, называемой Весна, 1794 года Декабря 13 // Труды общества любителей российской словесности. 1812. Ч. 1. Кн. 2. С. 40–42.

Парнаса лаврами венчались,
И в храм бессмертия вошли.
Но мы, от Пинда удаленны,
С тобою сидя на траве,
Оставя лавры им священи,
Резвиться будем в мураве,
И бабочек лова со Греем,
Чтоб с Музой под дубом сидеть;
Едва ль свирелью мы успеем
Мужей бессмертных славу петь!..²⁸

В связи с данным стихотворением весьма существенно то, что за год до его появления в печати Голенищев-Кутузов, знавший Мусина-Пушкина, по его утверждению, «с детских лет», упомянул о литературных талантах своего друга в предисловии к книге собственных переводов из Томаса Грея (1803).²⁹ В обширном примечании Голенищев-Кутузов сообщает об осведомленности графа в иностранных литературах и его личных качествах (разумеется, после того, как было воздано должное его естественнонаучным познаниям):

Г<граф> А<поллос> А<поллосович> М<усин>-П<ушкин> имеет обширные познания о французской, аглинской и немецкой словесности, изящный вкус, тонкую разборчивость; сам пишет прекрасно стихами и на сих трех языках, и на своем отечественном, но по крайней своей скромности посвятя лиру своим друзьям, ничего печатать не хочет. Все сии бесценные дарования украшаются лучшею нравственностью, кротостью, смирением, любезностью и приятностью в обращении, чувствительностью, неутомимым стремлением ко благу общему и благотворению. Вот истинное и беспристрастное изображение того, который был виновником и перевода сего, и издания оно.³⁰

²⁸ Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 101; Труды общества любителей российской словесности. 1812. Ч. 1. Кн. 2. С. 42. Тексты 1804 и 1812 гг. несколько различаются между собой.

²⁹ На роль А. А. Мусина-Пушкина в качестве вдохновителя Голенищева-Кутузова при переводах Грея было впервые обращено внимание в статье: *Алексеев М. П.* Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах. М., 1981. С. 543–548.

³⁰ Стихотворения Грея, с аглинского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым, с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея и многих исторических и баснословных примечаний. М., 1803. С. X–XIII.

Далее в основном тексте предисловия содержится пространный рассказ о роли Мусина-Пушкина в создании Голенищевым-Кутузовым переводов из Грея и в их последующем напечатании:

Разговаривая с ним об аглицкой словесности и упоминая разных писателей, дошло дело и до любезного моего Грея. Я начал моему приятелю читать наизусть несколько стихов из Грея и говорил ему выше сего сказанное о приятном ощущении, коим я бываю исполнен, читая Грея. Приятель мой сказал мне: хорошо бы, ежели бы его перевесть по-русски. Так, отвечал я: перевесть можно, но перевесть хорошо весьма трудно; а посредственно есть то же, что исказить автора и отнять его всю цену в глазах, не могущих читать его в подлиннике. Мой приятель, может быть, от слепого ко мне пристрастия, и, имея к моим малым способностям большую доверенность, нежели каковой я достоин, сказал вдруг: ты можешь перевесть Грея. — Ты, конечно, издеваешься; это предприятие дерзновенное и силы мои превосходящее. — Да испытай их; ты сам говоришь, что ты пленяешься Греем; верь же мне, что все то, что нам очень нравится, то легко переводится. Хотя для меня примись; а там увидим, каково будет. Но не откладывай, садись, пиши сейчас!

Словом сказать: почти не дав мне опомниться, сей добрый друг заставил меня переводить первую Грееву оду «Весну», которая была окончена в тот же день в его доме. Сей перевод ему понравился; он просил меня усиленно продолжать. Дружба моя к нему, теснейшая связь от детских лет, желание ему угодить, и чем-либо заплатить за бесчисленные его мне одолжения, все сие вкупе напрягало мои силы, усугубляло их, и наконец 6 од были переведены в два месяца после нашего разговора; при всем том, что служба и домашние дела очень часто меня от работы отвлекали. По прочтении сих од моему приятелю, к немалому моему изумлению, услышал я неожиданное от него восклицание: право, прекрасно! перевод очень близкий, теперь немного осталось перевесть; ибо и всех сочинений Греевых немного; утешь меня, мой друг! доверши перевод целого автора, тобою любимого; ты окажешь услугу нашей словесности, а паче тем, кои аглинского языка не знают. Я не знал, что мне сказать; но наконец решился повиноваться повелениям дружбы: окончил Грея в течение года.

Тут от моего друга настали новые приступы о напечатании моего слабого и несовершенного перевода. Долго я на сие не соглашался; наконец сила дружбы, беспредельная доверенность к его сведениям и вкусу решили меня, прощаясь с ним при отъезде его в Грузию, дать ему честное слово издать в свете сей перевод, произведением коего я более обязан его ободрению, нежели собственным моим дарованиям. И так, повинуюся священному гласу дружбы, отдал я мой труд в печать.³¹

³¹ Стихотворения Грея... С. X–XIV.

Эта версия, слишком уж беллетризованная для того, чтобы быть правдой, вызывает немало сомнений. Так, в приведенном отрывке утверждается, что переводы из Грея были сделаны Голенищевым-Кутузовым в течение четырнадцати месяцев — «Ода весне» была якобы переведена в один день в доме Мусина-Пушкина; еще шесть стихотворений в течение последующих двух месяцев, а остальной массив — за год. Если даже это и было так, то, судя по стихотворному посланию Мусина-Пушкина Голенищеву-Кутузову, имеющему дату 13 декабря 1794 г. (см. выше), все это должно было произойти в 1794–1796 гг., тогда как у читателя его предисловия в 1803 г. складывалось впечатление, что все это произошло не так давно.³² Хотя Голенищев-Кутузов, скорее всего, и выполнил в 1790-е гг. несколько переводов из Грея, но в связи с публикацией «Сельского кладбища» В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» Карамзина,³³ по-видимому, убыстрил свою работу и именно в 1802–1803 гг. перевел значительный массив стихотворений английского поэта, вошедших в книгу. В литературных кругах об этом ходили слухи, обрастая, возможно, преувеличениями, — так, А. Ф. Мерзляков сообщал Жуковскому 22 сентября 1803 г.: «Писал ли я к тебе о том, что Кутузов в месяц перевел всего Грея? О, бедный Грей. Этого мало: в полторы недели он же перевел 14 од Пиндаровых. Страшное беззаконие, за которое наказывают его перстнями».³⁴

Конечно же, Мусин-Пушкин лучше, чем кто-либо иной, подходил в тот момент для создания подобных легенд, хотя бы в силу того, что он находился вдалеке и вряд ли мог выступить с какими-то

³² Стихотворное послание Голенищева-Кутузова «Любезному другу г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину>->П<ушкину>, посылая ему перевод Греевой оды, называемой „Весна“, ноября 3 дня 1795 года», на которое отвечал Мусин-Пушкин, см. в кн.: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1803. Ч. 1. С. 175–176. Так как здесь же находится эпистола при посылке еще одного перевода из Грея (оды «Любимый кот»), датированная 10 ноября 1795 г., М. П. Алексеев предполагает опечатку в дате послания Мусина-Пушкина; в таком случае стихотворения Грея были переведены в 1795–1797 гг. Помимо этих двух, в той же части издания содержится еще три стихотворения, посвященных Мусину-Пушкину (эпистола, элегия, стихи на день рождения).

³³ [Жуковский В. А.] Сельское кладбище, Греева элегия, переведенная с английского // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 319–325.

³⁴ Русский архив. 1871. Кн. 1. Стб. 143.

опровержениями. Ниже публикуется переложение Мусиным-Пушкиным «Оды весне» Грея. Сам факт обращения к этому тексту заставляет с сомнением отнести к рассказу Голенищева-Кутузова о том, что его переводы были приняты старшим приятелем с безоговорочным восхищением. Скорее всего, в действительности имели место совместные литературные занятия, дружеское состязание. Именно такое впечатление складывается при чтении заключительных стихов послания Мусина-Пушкина к Голенищеву-Кутузову, цитированных выше.

Но вернемся к «Другу просвещения», в котором Хвостов и Голенищев-Кутузов, помимо всего прочего, культивировали определенный кружковый дух, питать который были призваны послания и обращения друг к другу. Яркая фигура Мусина-Пушкина оказывалась поэтому полезна во многих отношениях. Во-первых, в его отсутствие и, видимо, без его согласия, как уже сказано выше, было опубликовано два его стихотворения и тем несколько расширен круг авторов журнала. Во-вторых, в дело пошли собственные стихи, написанные явно ранее, в связи со светскими забавами, в которых тот принимал участие, — уже во втором номере журнала Голенищев-Кутузов поместил «Стансы г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину->П<ушкину>», который принуждал сочинительницу писать стихами, хотя она не знала правил стихотворства».³⁵ В-третьих, и естественнонаучные занятия графа, и его отъезд на Кавказ представляли благодатный материал для стихотворных излияний, разработки «индивидуальной мифологии»: так Голенищев-Кутузов описал страдания северных поэтов, оставленных музами после отъезда их друга из Петербурга, в пространной «Эпистоле г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину->П<ушкину>». По отъезде его

³⁵ [Голенищев-Кутузов П. И.] Стансы г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину->П<ушкину>, который принуждал сочинительницу писать стихами, хотя она не знала правил стихотворства // Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 107–108. С заглавием «Стансы. Любезному другу г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину->П<ушкину>. Мысли одной женщины» перепечатано в кн.: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1804. Ч. 3. С. 65–66; здесь же помещено еще одно комплиментарное стихотворение, обращенное к Мусину-Пушкину: «Стихи г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину->П<ушкину>» (Там же. С. 68–69).

в Грузию»,³⁶ а Хвостов в «Письме к графу Аполлосу Аполлосовичу Мусин-Пушкину» изложил в подробностях всю историю своего знакомства с ним и воздал неумеренную хвалу его разнообразным талантам, завершив ее грозным призывом не оставлять занятий поэзией:

Но ты, наперсник став химической науки,
Иль лиру воспрять не можешь больше в руки?
Когда угодно так, пожалуй, землю рой;
Но только иногда приятну лиру строй
И усладительны на ней рождай нам звуки.
В награду знанием химических трудов
Пускай изобразит, кто Пушкин наш таков
Средь горна мрачного и дымных облаков!
Пускай постановят лице твое с Макером:³⁷
Хочу, чтоб ты стоял среди певцов,
С Анакреоном в ряд или Гомером;
Хочу, чтобы Амур венец тебе давал,
Чтоб лиры по струнам один Зефир летал,
Чтоб Грации тебе шептали,
И Музы бы рукой бессмертною вписали
Стихи твои
В неувядаемы хранилища свои.³⁸

Ну, и наконец, безвременная кончина Мусина-Пушкина стала благодарным «поэтическим поводом» для финального развития *sub specie aeternitatis* всех ранее разрабатывавшихся в связи с его личностью тем, для его упрочения в читательском сознании в качестве кружкового героя, в связи с чем Хвостов пишет пространное «Письмо к Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, во время пребывания его в деревне, на смерть Аполлоса Аполлосовича Мусин-Пушкина». ³⁹ В нем ученый наречен «русским Язоном», его смерть

³⁶ [Голенищев-Кутузов П. И.] Эпистола г<рафу> А<поллосу> А<поллосовичу> М<усину>П<ушкину>. По отъезде его в Грузию // Друг просвещения. 1804. Ч. 1, № 3. С. 195–196.

³⁷ Знаменитый французский физик Пьер Жозеф Макер (Macquer, 1718–1784).

³⁸ Хвостов Д. И. Письмо к графу Аполлосу Аполлосовичу Мусин-Пушкину // Друг просвещения. 1805. Ч. 1. № 3. С. 11.

³⁹ Хвостов Д. И. Письмо к Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, во время пребывания его в деревне, на смерть Аполлоса Аполлосовича Мусин-Пушкина // Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 3. С. 183.

мифологизируется и описывается как результат столкновения с некой «лютейшей волшебницей», охраняющей сокровища недр Кавказского хребта:

Оставя прихоти для смертного прелестны,
Пустился в подвиги опасны и безвестны;
Он новый аргонавт, он русский наш Язон!
Забыв друзей и ближних стон,
Презревши ярость бурь, морей волнение злое,
Стремился похищать руно златое.
Но Муза дивную мне повесть соплела,
Что там волшебница лютейшая жила.⁴⁰

Схватка с ней изображается в духе фольклорного гиперболизма, причем адресат послания, внутритекстовой двойник Мусина-Пушкина, хотя сам и демонстрирует сверхъестественные качества, но все-таки оказывается сражен волшебством в этой битве:

В то время Пушкин наш Минервиным жезлом
Ударил гор в верхи, и горы расступились,
А золота ключи вскипели, покатались.
Он с духом твердости, с торжественным лицом,
Узря руно, схватил, сказав: руно златое!
Отечеству несущи сокровище драгое.
Ступя на твердь земли, его в руках держал —
Волшебством поражен, он мертв упал.⁴¹

Через год в «Друге просвещения» была опубликована вполне традиционная «Эпитафия г<рафу> Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину, скончавшемуся в Тифлисе⁴² 1805 года февраля 8 дня»⁴³ С. А. Тучкова, который перепечатал ее в собрании своих сочинений одиннадцать лет спустя, снабдив обширным примечанием. Здесь, в частности, указано, что эта эпитафия была «вырезана на мраморной доске, поставленной над его могилой с греческим, латинским и грузинским переводом» в Греческой церкви в Тифлисе.⁴⁴

⁴⁰ *Хвостов Д. И.* Письмо к Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову... С. 185.

⁴¹ Там же. С. 186–187.

⁴² В журнале опечатка: «Тифлиме».

⁴³ *Друг просвещения.* 1806. Ч. 3, № 9. С. 171.

⁴⁴ *Тучков С. А.* Сочинения и переводы. СПб., 1817. Ч. 4. С. 62. Латинский вариант эпитафии опубликован в кн.: Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1806. Кн. 4. С. 145.

Мусину-Пушкину следует атрибутировать стихотворное послание «Из Тифлиса (sic!) мая 6 дня, 1806 года», напечатанное на две страницы ранее в том же журнале, что и эпитафия Тучкова. По-видимому, оно было извлечено из запасников его друзей и помещено здесь в напечатание о графе:

Из Тифлиса мая 6 дня, 1806 года

Я вижу, живучи среди Кавказских гор,
Что правду говорят, que les absents ont torts⁴⁵ —
И для того пишу послание отсели,
Которо привезет рябой курьер Cosmeli.
Люби его, мой друг, за ум, за остроту;
И, если хочешь, то за нежну красоту!
Он был приятель мне, мы часто пунш варили,
На Курских⁴⁶ берегах о музах говорили,
Ловили бабочек, сушили травы там,
Которых целый сад падет к твоим стопам,
Когда получишь их — в том здании священном,
Где дев Кастальских ты куратором почтенным:
Но всадники сидят и копы при ребре!
Хотя купаюсь я и в злате, и в серебре,
Покинув химию, покинув горно дело,
Спешу перо чинить, чтобы письмо поспело;
Спешу тебе сказать, что в мыслях я с тобой
Навеки остаюсь и другом, и слугой!⁴⁷

Несуразная дата в заглавии (обилие опечаток и полиграфических погрешностей в «Друге просвещения» бьет в глаза) должна быть исправлена на 1803 г., ибо именно тогда немецкий писатель, авантюрист, музыкант и путешественник Михаэль Космели (Cosmeli, также Kosmeli, Michael, 1773–1844) находился в Тифлисе и поддерживал дружеские отношения с Мусиным-Пушкиным, о чем сообщает столь авторитетный справочник, как словарь И. Ф. фон Рекке и К. Э. Напирски.⁴⁸ Упомянутые ловля бабочек, занятия химией,

⁴⁵ Что отсутствующими пренебрегают (*фр.*).

⁴⁶ Т. е. на берегах Куры. В журнале опечатка: «Кирских».

⁴⁷ Друг просвещения. 1806. Ч. 3. № 9. С. 169. Послание обращено, скорее всего, к Голенищеву-Кутузову.

⁴⁸ *Recke J. F. von, Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1827. Bd. 1. S. 365–368.*

«купание в злате и серебре» вполне сообразуются с обликом и занятиями ученого графа.

Но А. А. Мусин-Пушкин был дружен не только с кругом литераторов, сплотившихся позднее вокруг «Друга просвещения», что дает возможность взглянуть на него под иным углом зрения. Видимо, с начала 1790-х гг., а может быть, и раньше Мусин-Пушкин поддерживал дружеские отношения с Н. А. Львовым, став прототипом «графа», одного из героев львовского «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня».⁴⁹ В основу его были, очевидно, положены впечатления от конкретной ботанической экскурсии на Дудергофские высоты близ Петербурга.

Несомненно существовавшая и, вполне возможно, довольно обильная переписка Львова и Мусина-Пушкина, в том числе и поэтическая, дошла до нас в небольшой ее части. Ниже публикуется стихотворное послание Мусина-Пушкина к Львову из Нижнего Новгорода, где он осенью 1799 г. готовился к поездке на Кавказ. Об обширном послании Львова к Мусину-Пушкину, написанном перед второй поездкой графа на Кавказ осенью 1801 г., сообщила в свое время З. В. Артамонова-Гуковская и процитировала из него ряд ярких пассажей.⁵⁰ Недавно этот текст был опубликован полностью Р. А. Бакировым.⁵¹

Был знаком Мусин-Пушкин и с Державиным, в архиве которого сохранилось три его стихотворения с собственноручными пометами литературного патриарха, подтверждающими авторство графа.⁵² Все

⁴⁹ Впервые опубликовано: Северный вестник. 1805. Ч. 5. № 2. С. 111–137.

⁵⁰ Артамонова З. [Гуковская З. В.] Неизданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. М.; Л., 1933. № 9 / 10. С. 273–274.

⁵¹ Михаил Муравьев и его время: Сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. И. В. Завьяловой, А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань, 2015. С. 6–8. См. также: Бакиров Р. А. Неизвестное послание Н. А. Львова (Там же. С. 46–48).

⁵² Приведу данные о рукописях, по которым публикуются стихотворения в приложении: 1) «Песня Мечты» (ОР РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 25. Л. 27–28 об.; почерком писца; Справа сверху: «№ 15», приписка почерком Державина: «Гра. Аполлоса Аполлосовича Мус. Пушк»); 2) «Ода Весне. Подражание Грею» (Там же. Л. 31–32 об.; видимо, автограф А. А. Мусина-Пушкина. Справа сверху: «№ 18», почерком Державина: «Гр. Аполлоса Аполлосовича М. Пушкина»); 3) «Ко мне в хижину простую...» (Там же. Л. 33; видимо, автограф А. А. Мусина-Пушкина. Справа сверху: «№ 19», почерком Державина: «Его же»); 4) «Вы

они впервые публикуются ниже, чтобы сделать возможным более полное представление о литературных досугах Мусина-Пушкина.

Как несложно заметить, стихотворения роетae dosti распадаются на две группы. Первая связана с музыкальной культурой дворянского салона, эти тексты сочинялись для вокального исполнения, что определило и их тематику, и их поэтику («Стансы на вальс о-оо-оо-о, сделанные на бале на заданную музыку», «Песня Мечты»). Вторая группа — продукт «литературного быта», поэтического взаимодействия друзей-литераторов, стремившихся выразить друг другу приятельские чувства и утвердить общие эстетические ценности (послания Голенищеву-Кутузову и Львову). Ко второй группе примыкает и анакреонтическое стихотворение «Ко мне в хижину простую...» с комплиментом Державину, и переложение «Оды весне» Грея («Ode on the Spring», 1742), верно следующее движению мысли оригинала, хотя и отличное от него просодией и рядом подробностей.⁵³

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Мусин-Пушкин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня Мечты

1е

Как молод был, питался я
Мечтами юности своей,
Любовью пламенной горя,
Искал блаженства в страсти сей.
Я думал, что любя душевно,
Любовь взаимную найду,

слышали, я чай, что еду я в Кавказ...» (РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 37. Л. 70 об.; почерком писца).

⁵³ Считаю приятной обязанностью выразить признательность Н. В. Кузнецовой и М. О. Мельцину за указания, сделанные в ходе работы над статьей.

Но был обманут ежедневно
И часто клял свою судьбу.
Знать, все на свете суета,
Коль клятвы верности — мечта.

2е

Любви покинул я законы
И счастья в славе находил;
Знаменам следуя Беллоны,
В сраженьях много крови лил.
Слезой сырых и вдовицы
Кровавы лавры омывал,
Был Марсов меч в моей деснице,
Но сердце тайный червь сгрызал.
Знать, звук военный — суета
И слава — гибельна мечта.

3е

Богатства блеском я пленился
И кипы золота копил,
Фортуны чадом заразился
И тяжку цепь ее носил.
Кадя вельможам фимианом,
Я козни сам себе сплетал
И часто знатных бар обманом
За тридевять земель летал.
Знать, блеск богатства — суета,
Фортуна — лживая мечта.

4е

Умом созревши и годами,
Искав блаженства на земли,
Испытан прежними бедами,
Не мнил я оное найти,
Как дружбы пламенник священной
В житейском море воссиял,
И дух, трудами утомленной,
Отраду в чувстве сем сыскал.
Пусть все на свете суета,
Была б лишь дружба не мечта.

Ода весне. Подражание Грею

Где груди розой осыпая,
Часы Циприде вслед текут,

И цвет забвенный отверзая,
Румяной рот зовут,
Певец весенний соловей
Стремится песнею своей
Призвать в леса своих подруг.
Шептавши радость средь эфира,
Сверкает там крыло Зефира
И сыплет ароматы вкруг.

Где дуб, кидая тень густую,
По небу ветви разметал,
Траву питаю молодую,
Катяся где ручей журчал,
Там нерадиво над водою
Я, севши с Музой дорогою,
Помышлю в сельской простоте,
Куды течет толпы стремленье,
Сколь подло гордых заблужденье,
В какой вельможи нищете.

Молчит забота утомленна,
Пастух и стадо спит,
Но среди зною полудневна
Веселой рой шумит.
Стремятся мухи молодые
Струи отведашь медовые.
Рубины по крылам блестят.
Иль правят перья голубые,
Иль хвост и рожки золотые
Среди алмазных звезд горят.

Смиренно око размышленья
Людей зрит в мухах сих,
Хотя различны их стремленья,
Но цель равна для них.
Заботливый, веселый, кроткий,
Преходит жизни день короткий,
Цветами счастья испещрен,
Но стерт суровую судьбиной,
Находит всяк конец единой
И одр в пыли для всех равен.

Мне мнится, слышу, под травую
Ответ сей сквозь цветы:
«Мудрец с седою головою,

Что ж сам такое ты?
С тобой подруга не летает
И сладких сот не собирает.
Молчи! Резвиться не мешай,
Сиди на пне, уединенный,
Давно весною червь забвенный,
И не ропчи, встречая май».

* * *

Ко мне в хижину простую
Заглянул Анакреон
И, нашед ее пустую,
Лиру в дар оставил он.

Вслед слепых двух за собою
Вел Гомера и птенца,
Но как слышал, над главою
У них не было венца!

Разве нет уж розы нежной
Или лавра на полях?
Или дуба лист священной
Не завял ли на горах?

Чему столько ты дивишься? —
Отвечала Муза мне.
Все венцы сии сплелися
На Державина челе.

<Послание Н. А. Львову>

Нижний Новгород декабря 8-го 1799 года

Вы слышали, я чай, что еду я в Кавказ
За Вас
Молиться Богу
И золота искать, пущусь в сию дорогу.
Так воля нашего монарха и отца;
Но доброго конца
Найти не иначе в пути моем мне будет,
Как если Львов меня и дружбы не забудет.
Металлов много там, и в том я буду прав;
Но уголь чтоб найти, мне надобен бурав,
А то, чем их мне плавить,
Чтоб шпанский галлион спорее к вам отправить

И тем заставить
Кумов и кумушек себя прославить?
Где нефть есть и смола, там углю надо быть,
А в угле, воля Ваша!
К тому ж привычка в Вас отечество любить
И другу пособить,
Чтоб Павлу верою и правдой послужить.
И для того устав
Вы дайте, чтоб бурав
Дорогой самой ближней
Явился споро в Нижней
Без всякого круга,
Где будет ждать его граф Пушкин, ваш слуга.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
<i>М. Ферраци.</i> Итальянский вклад в западноевропейские влияния на первые пьесы театра Алексея Михайловича. <i>Перевод А. О. Дёмина</i>	6
<i>М. К. Брагоне.</i> «Sententiae morales»: сборник греческой мудрости в России XVIII века	24
<i>П. Е. Бухаркин.</i> Придворная проповедь в России первой половины XVIII века: пределы сервизизма	35
<i>С. И. Николаев.</i> Из истории переводной политической сатиры 1740-х гг.: («В келии у Петра Мато следующие медали находятся»)	45
<i>А. А. Костин.</i> «Описание путешествия» в Америку Георга Стеллера: текстуальность (бес)славной экспедиции в 1740–1790-х гг.	55
<i>М. Левитт.</i> Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление	69
<i>Н. Ю. Алексеева.</i> Стихотворение А. П. Сумарокова «На суету человека»	78
<i>Е. Д. Кукушкина.</i> Мотивы трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» в поэзии М. М. Хераскова	90
<i>А. Вачева.</i> Философско-сентиментальный диалог в переписке Валентина Жамре Дюваля и Анастасии Соколовой: 1762–1774 гг.	99
<i>М. Ди Сальво.</i> Латинские стихи Ф. А. Эмина	110
<i>Р. Бодэн.</i> От «Бедной Лизы» к «Бедной Луизе»: Карамзин, Лебрен и герцогиня де Лавальер	118
<i>П. Р. Заборов.</i> «Русская» опера Гретри	136
<i>А. Ю. Веселова.</i> Формы и функции иронии в «Письмах русского путешественника» Карамзина	149

Содержание

<i>Л. Росси.</i> Три «Послания к женщинам»: Карамзин, Поуп, Бофор	159
<i>Э. Кросс.</i> Екатерина Великая в годы ее правления на портретах британских художников. <i>Перевод А. Ю. Веселовой</i>	166
<i>И. Клейн.</i> Чувство природы у Державина: «Водопад».	180
<i>Н. П. Морозова.</i> О стихотворных надписях к портрету Е. Я. Державиной	189
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский.</i> Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина	194
<i>И. Ю. Фоменко.</i> Песни С. Н. Марина 1812–1813 гг. из фонда Воронцовых в РГАДА	214
<i>А. Ю. Соловьев.</i> «Журнальные друзья»: письма В. В. Измайлова к В. М. Перевощикову	229
<i>Л. М. Старикова.</i> «Хроника русского театра» И. С. Носова и «История русского театра» И. А. Дмитревского	248
<i>Г. Леманн-Карли.</i> Эмпатия и табу в культуре, литературе и медицине: аспекты постановки проблемы	259
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> Поэт с поэтом говорит. Лермонтов в переводе Рильке: Заметки читателя	266
Список трудов Натальи Дмитриевны Кочетковой: 2008–2018 гг. Составил <i>А. О. Дёмин</i>	270
Условные сокращения	278